

ЭНН ПЕРРИ
«ВОР С РУТЛЕНД-ПЛЕЙС»

Шарлотта Питт взяла письмо и взглянула на посыльного с некоторым удивлением. Он смотрел на нее большими, умными глазами. Уж не ждет ли вознаграждения? Она надеялась, что нет. Они с Томасом лишь недавно переехали из их бывшего дома в этот – более просторный, с еще одной спальней и небольшим садом, – потратив все свои сбережения.

– Ответ будет, мэм? – бодро промолвил мальчуган, слегка удивленный ее медлительностью.

Обычно его посылали в более богатую часть города; здешние жители услугами посыльных не пользовались. Но именно в таком месте ему бы хотелось жить когда-нибудь в туманном, взрослом будущем: в собственном отдельном доме с чистым крыльцом, занавесками на окнах, парочкой ящиков для цветов и красивой женщиной, которая встречала бы его вечером на пороге.

– О, – облегченно выдохнула Шарлотта. – Минутку.

Разорвав конверт, она вытащила единственный лист бумаги и прочла:

Лондон, Рутленд-Плейс, 12
23 марта 1886 г.

Моя дорогая Шарлотта!

Недавно у нас случилось нечто столь невероятное и возмутительное, что мне понадобился твой совет. Более того, учитывая, как хорошо ты разбираешься в делах трагического или даже преступного свойства, возможно, ты даже сможешь мне помочь. Конечно, это не имеет ничего общего ни с теми возмутительными делами, в которые, к несчастью, ты оказалась втянута раньше, на Парагон-уок, ни, слава Богу, с тем ужасом, что творился на Ресуррекин-роу, – всего лишь небольшая кража.

Но поскольку пропавшая вещица была мне очень дорога, из-за ее утраты я пребываю в глубоком расстройстве и страстно желаю ее вернуть.

Дорогая, ты ведь сможешь мне в этом, по крайней мере советом? Я знаю, что у тебя есть служанка, которая сможет присмотреть в твоё отсутствие за Джемаймой. Если завтра, часам к одиннадцати утра, я пришлю за тобой карету, не будешь ли ты так добра приехать и позавтракать со мной? Заодно и поговорим об этом скверном деле. С нетерпением жду встречи с тобой.

Твоя любящая мать, Кэролайн Эллисон.

Шарлотта сложила письмо и вновь посмотрела на мальчика.

– Если подождешь немного, я напишу ответ, – сказала она с легкой улыбкой и спустя какое-то время вернулась с запиской.

– Благодарю, мэм.

Посыльный кивнул и умчался. Судя по всему, на большее он и не рассчитывал, а вознаграждение получал от отправителя. В любом случае он оказался достаточно смекалист, чтобы понимать, кто чего стоит и кто готов поделиться имеющимся, а кто нет.

Шарлотта закрыла дверь и прошла по коридору в кухню, где ее полуторагодовалая дочь Джемайма, сидя в яслях, грызла карандаш. Шарлотта рассеянно забрала карандаш, вручив взамен цветной кубик.

– Я же просила не давать ей карандаши, Грейси, – обратилась она к чистившей картошку девчужке-служанке. – Она не понимает, для чего они. Только жует.

– Даже и не видела, что он у нее, мэм. Дотягивается через прутья до чего угодно. Зато ни в печь, ни в угольный ящик не лезет.

На перилах манежа висели счеты из разноцветных деревянных шариков, и Шарлотта, опустившись на колени, легонько провела по ним пальцами. Привлеченная стуком, Джемайма тут же поднялась. Шарлотта стала отсчитывать шарики, а Джемайма старательно, переводя взгляд со счетов на мать и ожидая одобрения, повторяла за ней слова.

Мысли Шарлотты занимала не столько дочь, сколько мать. Родители на удивление хорошо восприняли ее заявление о намерении выйти замуж – подумать только! – за полицейского. Эдвард слегка поворчал, но вскоре успокоился и лишь спросил, совершенно ли она уверена в том, что делает. Кэролайн же сразу поняла, что ее несносная дочь нашла того, кого действительно любит, и столь радикальное – как в общественном, так и финансовом плане – падение будет для нее гораздо менее тяжелым испытанием, чем любезно устроенный брак с тем, кого она не любит и кто, возможно, не достоин ее должным вниманием и уважением.

Но хотя родители и любили ее по-прежнему, вряд ли Кэролайн послала бы за дочерью по делу столь тривиальному, как мелкая кража. В конце концов, подобное случается отнюдь не редко. Если речь идет о безделушке, то ее могла позаимствовать одна из служанок – покрасоваться в свой выходной вечер. Стоит лишь обронить парочку прозрачных намеков – и вещицу тут же вернут. Слуги окружают Кэролайн всю ее жизнь; уж она-то должна бы уметь решать такого рода проблемы без совета со стороны.

И все же съездить стоит; день будет погожий, а она и так уже порядком загнала себя, приводя новый дом в желаемый вид.

– Завтра мне нужно будет уйти, Грейси, – заметила Шарлотта мимоходом. – Мать приглашает на ланч. Гардины могут подождать и до послезавтра. Тебе же придется присмотреть за Джемаймой и отмыть пол и тот деревянный шкаф, что стоит в углу. И добавь в воду побольше мыла – никак не могу привыкнуть к тому, как он пахнет.

– Да, мэм, надо будет еще и стиркой заняться. А с Джемаймой, если будет хорошая погода, мне погулять?

– Да, было бы чудесно.

Шарлотта выпрямилась. Если она будет отсутствовать большую часть завтрашнего дня, лучше сегодня позаботиться о хлебе и посмотреть, как сидит на ней лучшее дневное платье, провисевшее всю зиму в шкафу. Грейси всего пятнадцать, но она серьезная и проворная и в Джемайме души не чаёт. Шарлотта еще раньше сказала ей, что через полгода заботиться придется уже о двоих младенцах, и на плечи юной служанки ляжет дополнительная нагрузка – как по стирке, так и по готовке и прочей работе по дому. Подобная перспектива Грейси отнюдь не обескуражила; напротив, как показалось Шарлотте, даже обрадовала. Грейси и сама из большой семьи, и шумного, постоянно чего-то требующего детского общества ей, похоже, даже не хватает.

Томас, пришедший с работы около шести, выглядел уставшим. Большую часть дня он потратил на поиск парочки драгсменов – воров, промышляющих в основном кражами из экипажей, – но результатом хождений стали лишь с полдюжины туманных описаний. Столь опытному инспектору, как он, и не поручили бы это дело, не будь одной из жертв некий знатный джентльмен, обратившийся в полицию с явной неохотой. Мужчина лишился карманных золотых часов, унаследованных от тестя, и отнюдь не горел желанием объяснять их отсутствие.

Шарлотта встретила Томаса с волнением и облегчением, странным, особенным чувством, которое она всегда испытывала при виде своего растрепанного – сбившийся на сторону воротник, измятый костюм – мужа. Несколько долгих минут она продержала его в объятиях, после чего наградила горячим супом и ужином. Столь банальной проблемой, как пропажа одной из безделушек матери, она беспокоить его не стала.

На следующее утро Шарлотта стояла перед псише¹ в спальне, завязывая на шее – так, чтобы скрыть то место на платье, с которого сорвала прошлогодний воротник, – кружевную косынку. В качестве украшения она решила использовать свою лучшую брошку с камеей. Результат оказался вполне удовлетворительным; пусть Шарлотта и была на третьем месяце беременности, видимых изменений в фигуре не наблюдалось, а благодаря стандартному корсету из китового уса – весьма неудобному, пусть и хорошо скрывавшему полноту – она выглядела такой же стройной, как и обычно. Темно-зеленая шерсть хорошо сочеталась с теплым тоном лица и роскошными волосами, а кружевная косынка смягчала строгость платья, – Шарлотте не хотелось, чтобы Кэролайн сочла ее совсем уж безвкусной.

Прибывшая ровно в одиннадцать карета менее чем за полчаса пересекла город, проехала по тихой и мирной Линкольншир-роуд и повернула на спокойную, элегантную и утопавшую в зелени Рутленд-плейс. Она остановилась у белого портика с табличкой «12», и ливрейный лакей, открыв дверцу, помог Шарлотте сойти на мокрую мостовую.

– Спасибо, – сказала она, даже не оглядевшись, словно все вокруг было прекрасно ей знакомо; впрочем, несколько лет тому назад так оно и было.

Дверь открылась прежде, чем она подошла к ней.

– Доброе утро, мисс Шарлотта, – промолвил появившийся дворецкий, слегка наклонив голову.

– Доброе утро, Мэддок.

Шарлотта улыбнулась. Она знала дворецкого с шестнадцати лет; дворецким он служил у них еще в ту пору, когда семья жила на Кейтер-стрит, задолго до тех убийств, во время которых она познакомилась и вышла замуж за Питта.

– Миссис Эллисон в гостиной, мисс Шарлотта. – Шагнув вперед, Мэддок распахнул перед ней дверь.

Кэролайн стояла посреди комнаты; за спиной у матери, в камине ярко пылал огонь, золотые отблески от вазы с нарциссами разбегались по полированному столику. Хозяйка дома была в нежном, как вечернее небо, персикового цвета платье, которое, должно быть, стоило всех денег, что она могла позволить себе потратить на гардероб в месяц. В темных волосах змеились не более дюжины седых нитей. Кэролайн тотчас же шагнула навстречу дочери.

– Дорогая, я так рада тебя видеть. Выглядишь просто замечательно. Входи же и погрейся у огня. Даже не знаю, почему этой весной так холодно. Все вокруг такое чудесное, все дышит жизнью, но вот ветер – просто жуткий. Спасибо, Мэддок. Подавать можно через час.

– Да, мэм. – Дворецкий затворил за собой дверь, и Кэролайн обняла и крепко прижала дочь к себе.

– Тебе следует приезжать чаще, Шарлотта. Мне действительно тебя не хватает. Эмили так занята в эти дни, что я едва ее вижу.

Шарлотта коротко сжала мать в объятиях и отступила на шаг. Ее младшая сестра Эмили вышла замуж за аристократа и теперь пользовалась всеми возможностями, какие только давало ей это положение. Ни она сама, ни мать ни словом не помянули другую ее сестру, Сару, столь жутко погибшую на Кейтер-стрит.

– Ну, садись же, дорогая. – Кэролайн элегантно устроилась на диване, а Шарлотта напротив нее, в большом кресле. – Как Томас?

– Прекрасно, спасибо. И Джемайма тоже, – сказала Шарлотта и поспешила ответить на все положенные вопросы. – И дом очень удобный, и моя новая служанка справляется более чем удовлетворительно.

Тяжело вздохнув, Кэролайн укоризненно покачала головой.

¹ Псише (франц. Psyché) – высокое напольное зеркало на двух небольших стойках с консолью (полочкой).

– Никак не изменишься, а, Шарлотта? Сразу же выкладываешь все, что приходит на ум. Прямая, как паровоз! Даже не знаю, что бы я с тобой делала, не выйди ты замуж за Томаса Питта!

Шарлотта широко улыбнулась.

– Так и водила бы меня по бесконечным противным вечеринкам в надежде убедить мать какого-нибудь бедняги в том, что я гораздо лучше, нежели кажусь.

– Шарлотта! Прошу тебя!

– Что у тебя украли, мама?

– О, дорогая! Не могу представить, как ты обо всем догадываешься. Ни капельки хитрости... Ты даже полисмена не уговорила бы сказать, который час!

– А мне бы это и не потребовалось, мама. Полицейские всегда с удовольствием скажут, который сейчас час, – конечно, в том маловероятном случае, если им это известно. Если нужно, я могу быть и хитрой.

– Значит, ты все-таки изменилась за то время, что мы не виделись.

– Что у тебя пропало, мама?

Улыбка на лице Кэролайн угасла. Она колебалась, словно пытаясь подобрать подходящие слова для того, что выглядело совершенно простым.

– Одно украшение, – начала она. – Небольшой медальон на золотой дужке. Не особенно дорогой, конечно же. Повторюсь: он не очень большой, и вряд ли за него много сейчас выручишь. Но очень красивый! Усыпан спереди жемчугом, и, разумеется, он открывается.

– А тебе не кажется, что его могла позаимствовать, рассчитывая тотчас же вернуть, одна из служанок, но забыла? – озвучила Шарлотта свои первые мысли.

– Дорогая, ты же не думаешь, что мне это не приходило в голову? – скорее, обеспокоенно, нежели раздраженно ответила Кэролайн. – Но ни у одной из них не было свободного вечера с тех пор, как я видела его в последний раз и когда обнаружила пропажу. И вообще, не верю я в то, что кто-то из них мог его взять; не верю, и все тут! У судомойки попросту не было такой возможности – да и потом, ей всего-то четырнадцать. Не думаю, что она на такое способна. Горничная – та, что прислуживает за столом, – губы ее дрогнули в безрадостной улыбке, – тоже порядочная женщина, как и вся прочая прислуга. Я даже не представляла, что Мэддок обладает столь изысканным вкусом в подборе персонала! Природа наградила ее так щедро, что украденные украшения – со всеми вытекающими отсюда рисками – ей совсем ни к чему. А своей собственной служанке я доверяю всецело. Мэри со мной с тех самых пор, как мы переехали сюда, да и пришла она от леди Бакстон, которая знала ее еще ребенком. Она – дочь их кухарки. Нет. – Ее лицо вновь исказила страдальческая гримаса. – Боюсь, это кто-то посторонний.

Шарлотта решила зайти с другой стороны.

– А с молодыми людьми твои служанки общаются? Быть может, у кого-то из них есть ухажер?

Кэролайн вскинула брови.

– Нет, насколько мне известно. Мэддок на этот счет очень строг. И уж точно не в доме, не в моей гостиной!

– Полагаю, ты разговаривала с Мэддоком?

– Конечно, разговаривала. Уж очевидные вещи, Шарлотта, я в состоянии сделать и сама! Будь все так просто, я бы не стала тебя беспокоить. – Сделав глубокий вдох, мать медленно выдохнула и едва заметно покачала головой. – Прости, но... все это так ужасно! Даже и представить не могу, что его мог взять кто-то из наших друзей или же их прислуги, а что еще остается мне думать?

Шарлотта посмотрела на несчастную мать, на ее сплетенные пальцы, выкручивавшие носовой платок с такой силой, что еще немного, и тот порвался бы. Теперь понятно, в чем проблема. Начать расследование, даже просто признать пропажу значило бы посеять сомнение среди всех знакомых матери. Вся Рутленд-плейс может

решить, что Кэролайн подозревает в краже каждого из ее обитателей. Многолетней дружбе придет конец. Возможно, потеряют работу ни в чем не повинные слуги; быть может, даже будет погублена их репутация. Словом, неприятностей и огорчений не оберешься.

– Все в порядке, мама, – быстро проговорила Шарлотта, беря руку Кэролайн в свою – Сейчас гораздо важнее избежать слухов, нежели вернуть медальон. Если кто-то будет спрашивать, скажи, что застежка отстегнулась, и он, должно быть, где-то выпал. С чем ты его носила?

– С темно-фиолетовым костюмом.

– Так в чем проблема? Он мог отстегнуться где угодно, даже на улице.

Кэролайн покачала головой.

– Застежка была в отличном состоянии, к тому же на цепочке имелся дополнительный фиксатор, который я тоже всегда закрепляла.

– Ради всего святого, не нужно об этом упоминать – если, конечно, кто-то спросит, чего, вероятно, не случится. Откуда у тебя медальон? От папы?

Взгляд Кэролайн ушел куда-то в сторону; теперь, поверх плеча Шарлотты, она смотрела на пестревшие за окном, под весенним солнцем, кусты магнолии.

– Нет, с ним бы я объяснилась легко и просто. Это был рождественский подарок твоей бабушки, а ты и сама знаешь, какая у нее память на то, что представляется ей важным!

У Шарлотты возникло странное ощущение, что от нее ускользает что-то важное, нечто такое, что она слышала, но чего не поняла.

– Но бабушка, должно быть, тоже много чего теряла, – рассудительно заметила она. – Объяснись с ней прежде, чем она заметит его отсутствие. Возможно, она, как обычно, пофыркает, но это не то, чего нельзя стерпеть. Ты же знаешь, какая у нас бабушка. – Она улыбнулась. – Ей только дай повод.

– Да, – сказала Кэролайн, сморгнув, но какая-то нотка в ее голосе свидетельствовала о том, что дочь ее не убедила.

Шарлотта обвела комнату взглядом: светло-зеленые занавески, мягкий ковер, ваза со свежесрезанными нарциссами, картины на стене, в углу – пианино, на котором любила играть Сара, на нем – семейные фотографии. Кэролайн сидела на краешке дивана, словно пришла в гости и в любую секунду готова уйти.

– В чем дело, мама? – несколько резко спросила Шарлотта. – Почему этот медальон так для тебя важен?

Кэролайн смотрела вниз, на свои руки, избегая встречаться с Шарлоттой взглядом.

– В нем хранилось кое-что... личного свойства. Мне не хотелось бы, что это попало в чьи-либо руки. Это был подарок на память. Уверена, ты понимаешь. А я даже не знаю, у кого он сейчас... Это все равно, что знать, что кто-то читает твои письма!

Шарлотта облегченно выдохнула. Она все еще не знала, чего опасалась, но внезапно напряжение ушло, смытое теплой волной. Все обстояло так просто!

– Ради бога, почему ты мне сразу об этом не сказала? – В том, что воришка откроет медальон, можно не сомневаться. Найдя подобную вещицу, любая женщина первым же делом заглянет внутрь. – Возможно, в тот день ты забыла застегнуть пряжку, и он действительно сорвался? Полагаю, карету ты обыскала как следует?

– О да, тотчас же.

– Когда, на твоей памяти, ты видела его в последний раз?

– Днем я была в гостях у Амброзины – Амброзины Чаррингтон. Она живет в восемнадцатом доме, исключительно очаровательная женщина. – По губам Кэролайн скользнула мимолетная улыбка. – Тебе бы она понравилась. Весьма эксцентричная особа.

Шарлотта никак не отреагировала на столь явный намек. Медальон в данный момент был гораздо важнее.

– Разумеется, – промолвила она сухо. – И в чем же это выражается?

Кэролайн в изумлении подняла на нее глаза.

– О, Амброзина – дама вполне почтенная, даже более чем. Ее дед был графом, а ее супруг, Лоуэлл Чаррингтон, – мужчина в высшей степени респектабельный. Она и сама бывала в высшем обществе, когда выезжала в свет. Конечно, те времена остались в далеком прошлом, но у нее и сейчас сохранилось множество связей.

– Звучит не очень-то и эксцентрично, – скептически заметила Шарлотта, подумав, что взгляд Кэролайн на эксцентричность разительно отличается от ее собственного.

– Она любит петь, – пояснила Кэролайн. – И репертуар у нее наистраннейший. Даже не представляю, где можно было выучить подобные песни. А еще она крайне забывчива; забывает даже то, о чем в высшем обществе следует помнить каждой женщине – вроде того, кто давал прием на прошлой неделе или же кто с кем состоит в родстве. Иногда допускает совершенно чудовищные оплошности.

После такого пояснения Шарлотта сразу же прониклась к леди Чаррингтон теплыми чувствами.

– Какая молодец! Должно быть, это так забавно...

Ей вспомнились те бесконечные вечера ее еще незамужней жизни, когда Кэролайн возила трех своих дочерей на знакомства с матерями «подходящих» молодых людей, и они все сидели в мягких креслах, попивая слегка теплый чай и на глаз прикидывая доход, чувство стиля, цвет лица и приятность друг дружки, в то время как девушки гадали, какому еще зеленому юнцу они будут представлены и какая еще возможная будущая свекровь пройдет сейчас по ним своим оценивающим, жестким взглядом. Шарлотта вздрогнула при мысли о Питте в его кабинете с покрытым линолеумом полом и заваленным грудями бумаг коричневым столом; Питте, бродящем по мрачным аллеям и многоквартирным домам в поисках фальшивомонетчиков и сбытчиков краденого, и лишь изредка – уже на других, более чистых и опрятных улицах – преследующем какого-либо медвежатника, растратчика или даже убийцу.

– Шарлотта? – Голос Кэролайн вернул ее в теплую гостиную на Рутленд-плейс.

– Да, мама. Возможно, будет лучше никому не говорить о случившемся. В конце концов, если медальон украли, вор вряд ли в этом сознается, а если вернут, то позаимствовавший его, возможно, и не станет заглядывать внутрь, сознавая, что там может находиться нечто личное. А даже если и станет, совсем не обязательно, что он сочтет это примечательным, – все-таки у каждого свои секреты.

Кэролайн натянуто улыбнулась, упустив из виду тот факт, что вор и не узнает о том, чей именно это медальон, без определенного исследования, которое подразумевает открытие фермуара и чтение дарственной надписи.

– Нет, конечно, нет. – Она поднялась. – А теперь, почему бы нам не перекусить? Ты выглядишь очень хорошо, дорогая, но это отнюдь не повод пренебрегать здоровьем. Помни: ты ешь не только для себя одной!

Поданные блюда оказались превосходными и гораздо более изысканными, чем та скудная пища, которую Шарлотта позволяла себе днем в домашней обстановке, так что она решила ни в чем себе не отказывать. Затем они немного прогулялись по саду, и за защищавшими от ветра стенами такой променада оказался весьма приятным. Незадолго до трех они вернулись в гостиную, и уже через полчаса принимали первую гостью.

– Миссис Спенсер-Браун, мэм, – официально объявила горничная. – Сказать, что вы дома?

– Да, разумеется, – быстро согласилась Кэролайн и, лишь дождавшись, когда девушка выйдет, повернулась к Шарлотте. – Живет напротив, в одиннадцатом доме. Муж – ужасный зануда, но сама она всегда полна жизни. Прелестное создание, в своем роде...

Дверь вновь открылась, и горничная ввела в комнату посетительницу. Последней было года тридцать три – тридцать четыре; стройная, с тонкими чертами лица, высокой шеей, самой грациозной из всех, что Шарлотта когда-либо видела, и белокурыми

волосами, собранными сзади в пучок по последней моде. Одетая гостья была в серовато-бежевое кружевное платье.

– Моя дорогая Мина, как я рада вас видеть! – проворковала Кэролайн, да так беспечно, будто ее и не одолевали никакие мрачные мысли. – Вы весьма кстати.

Мина тотчас обратила взгляд своих блестящих глаз на Шарлотту.

– Кажется, вы не знакомы с моей дочерью, миссис Томас Питт, – как того и требовал этикет, Кэролайн поспешила представить дочь и гостью друг дружке. – Шарлотта, дорогая, это моя наимилейшая соседка, миссис Спенсер-Браун.

– Здравствуйте, миссис Спенсер-Браун. – Шарлотта наклонила голову в чем-то вроде полупоклона, и Мина ответила ей тем же жестом приветствия.

– Мне так хотелось познакомиться с вами, – сказала она, оглядывая Шарлотту с головы до ног, мысленно отмечая каждую деталь ее одежды, от слегка потертой обуви до приглаженных волос, и все лишь для того, чтобы определить уровень навыков и умения ее служанки, а соответственно, и всего домашнего хозяйства. Для Шарлотты подобные суждения были не внове, и потому оценивающий взгляд она встретила хладнокровно, не моргнув и глазом.

– Как мило с вашей стороны! – промолвила она с открытой и искренней улыбкой. – Уверена, знай я о вас чуть больше, жаждала бы этой встречи не меньше вашего. – Она знала, что Кэролайн смотрит на нее с беспокойством и даже пытается придвинуться ближе, дабы, если что, незаметно пнуть ногой. Шарлотта улыбнулась еще искреннее. – Какая удача, что у мамы такая приятная соседка! Надеюсь, вы останетесь и выпьете с нами чаю?

Мина и не думала уходить, но явно не ожидала услышать подобное предложение с порога, отчего пришла в некоторое замешательство.

– Что ж... благодарю, с удовольствием, миссис Питт. – Все сели; Мина напротив Шарлотты, так, чтобы со своего места разглядывать ее, не будучи заподозренной в бесцеремонности. – Прежде я никогда вас не видела в Рутленд-плейс. Далеко отсюда живете?

Шарлотта благоразумно решила не упоминать о Джемайме. Такие, как Мина, в полном соответствии с их социальным статусом, были избавлены от необходимости заботиться о детях сами; сперва они заводили кормилицу, затем – сиделку; далее, когда ребенку исполнялось лет пять-шесть, – няню, и наконец – гувернантку или домашнего учителя, обеспечивая таким образом все потребности ребенка.

– Да не очень, – ответила она спокойно. – Но все мы вращаемся в своем кругу, разве нет?

Кэролайн закрыла глаза, и Шарлотта услышала, как она едва слышно вздохнула.

Мина нашлась не сразу. Ответ не нес в себе ту информацию, на которую она рассчитывала, как и не давал вариантов для продолжения.

– Да. Разумеется. – Она глубоко вздохнула, расправила складки на одежде и начала снова. – Конечно, мы уже имели удовольствие познакомиться с вашей сестрой, леди Эшворд, – очаровательнейшей особой.

Намек – очень деликатный – подразумевал, что уж если у кого-то вроде Эмили, при ее-то положении в обществе, нашлось время, то Шарлотте сам Бог велел.

– Уверена, она была не в меньшем восторге от знакомства с вами. – Шарлотта прекрасно знала, что Эмили, вероятно, весь вечер умирала от скуки, но сестра всегда умела скрывать свои чувства; фактически, как и все в их семье, она была особой весьма тактичной.

– Надеюсь, – сказала Мина. – Как я понимаю, у мистера Питта есть какое-то занятие в городе?

– Да, – честно ответила Шарлотта. – Полагаю, он и сейчас там.

Кэролайн незаметно подвинулась ближе к спинке кресла, словно пытаясь сделаться невидимой.

Мина просияла.

– Ну конечно! Весьма благоразумно. Бездельники быстро попадают в дурную компанию, в итоге попусту растрчивая как свое время, так и деньги, не так ли?

– Абсолютно с вами согласна, – сказала Шарлотта, гадая, чем вызвана эта ремарка.

– Хотя, конечно же, и в городе хватает своих подводных камней, – продолжала Мина. – Разумеется, и у кое-кого из наших соседей здесь, на Рутленд-плейс, имеются наистраннейшие привычки, сопряженные с выездами в город! Хотя, конечно, молодые люди склонны к таким вещам, и ожидать от них чего-то в этом роде вполне естественно. Происхождение и воспитание, знаете ли, рано или поздно, но скажутся всегда!

Шарлотта по-прежнему не понимала, о чем идет речь.

Кэролайн резко распрямылась.

– Если вы имеете в виду Иниго Чаррингтона, – сказала она с некоторой резкостью, и Шарлотта заметила, как скрестились ее лодыжки и напряглись ноги, хотя мать сознательно пыталась сохранять любезное выражение лица, – то уж у него-то, насколько мне известно, точно есть друзья в городе, с которыми он обедает при каждой возможности, а возможно, и посещает театры или концерты.

Брови Мины взметнулись вверх.

– Конечно! Остается лишь надеяться, что он сделал мудрый выбор, и его друзья достойны его самого. Вы ведь не знали бедняжку Отилию, не так ли?

– Нет. – Кэролайн покачала головой.

На лице Мины отразилось сочувствие.

– Несчастное создание!.. Умерла незадолго до вашего переезда сюда... летом, если не ошибаюсь. Она была так молода – года двадцать два, двадцать три, не больше.

Шарлотта переводила взгляд с одной на другую, ожидая объяснений.

– О, да вы ее и не знаете. – Такой шанс Мина упустить не могла. – Дочь Амброзины Чаррингтон, сестра Иниго. Вот уж действительно случай, трагичнее некуда. Летом они куда-то уезжали на пару недель. У Отилии до отъезда было прекрасное здоровье – по крайней мере, так казалось. А потом бедняжка угасла буквально за две недели. Так ужасно! Ее смерть для нас всех стала сильнейшим потрясением.

– Мне очень жаль, – абсолютно искренне сказала Шарлотта; история внезапно оборвавшейся жизни прозвучала весьма отрезвляюще посреди всей этой глупой болтовни и игр в социальное превосходство. – Как это тягостно – для ее семьи, я хочу сказать.

Изящные пальчики Мины вновь пробежались по складкам платья, еще ровнее разглаживая их на коленях.

– Вообще-то, они пережили это с величайшей стойкостью. – Ее тонкие брови приподнялись, словно она и сейчас никак не могла в это поверить. – Ими можно только восхищаться, особенно Амброзиной – то есть миссис Чаррингтон, – ее самообладанию остается только позавидовать. Если не знать, как все было, никогда и не поверишь, что такое случилось. Верите или нет, но они никогда о ней даже не вспоминают!

– Тем не менее, рана, несомненно, все еще жива, – заметила Шарлотта. – Такое не забывается, как ни веди себя на людях.

– О Господи! – огорчилась Мина. – Надеюсь, я невзначай не сказала что-то такое, что могло причинить вам боль, моя дорогая миссис Питт? Вот уж чего не хотела, так это вызвать у вас какое-то мучительное воспоминание!

Шарлотта улыбнулась ей, выталкивая из головы мысли о Саре и надеясь, что то же удастся и Кэролайн.

– Никогда бы и не подумала, что вы на такое способны, – мягко сказала она. – Просто мне кажется, всем нам доводилось переживать ту или иную потерю. Должно быть, нет такой семьи на земле, из которой смерть не выдерживала бы одного из близких.

Прежде чем Мина успела с этим любезно согласиться, дверь гостиной открылась, и в комнату вошла очень пожилая дама с раздраженной миной на лице, изысканной кружевной шалью на плечах и в начищенных до блеска черных туфлях.

– Добрый день, миссис Спенсер-Браун, – произнесла она отрывисто. – Не знала, что сегодня ты принимаешь гостей, Кэролайн. Кухарка ничего не сказала за завтраком. – Она посмотрела на Шарлотту, затем подошла на шаг ближе. – Боже правый! Да это же Шарлотта! – Она насмешливо фыркнула. – Неужто решила вернуться в добропорядочное общество?

– Здравствуй, бабушка. – Шарлотта встала и предложила ей самое удобное кресло – то самое, в котором сама до этого сидела.

Пожилая дама опустилась в него, предварительно поправив подушки и протерев сиденье. Шарлотта присела на стул с жесткой спинкой.

– Для тебя так даже и лучше, – кивнула пожилая дама. – А то спина искривится, если будешь сидеть в этих – в твоём-то возрасте. Когда я была молодая, девушки всегда сидели прямо. Знали, как нужно себя вести. Нигде не слонялись без компаньонов, вроде походов в театр и тому подобного. А теперь – повсюду электричество! Оно же, должно быть, опасно для здоровья. Одному Богу известно, чем наполнен воздух... Впрочем, газовые лампы – не меньшее зло. Если бы Господь хотел, чтобы светло было и днем, и ночью, Он создал бы луну столь же яркой, как и солнце!

Не обращая на нее внимания, Мина вновь повернулась к Шарлотте.

– Так вы ходите в театр одна, миссис Питт? Как это захватывающе! Скажите же нам, а какие-либо происшествия с вами случались?

Бабушка вытащила носовой платок и громко высморкалась.

Шарлотта уже намеревалась ответить, единственно чтобы досадить бабуле – да, мол, случались, – но решила, что то смущение, в которое придет от такого ответа Кэролайн, перевесит всякое удовольствие.

– Нет-нет, никогда, – сказала она с легким оттенком сожаления. – А что, такие походы опасны?

– Боже милостивый! – Мина выглядела изумленной. – Представления не имею. Рассказы, конечно, слышала всякие, но... – Внезапно она хихикнула. – Нужно будет спросить у миссис Денбай. Уж она-то как раз такая особа, у которой достало бы смелости сходить в театр одной, пожелай она этого.

– Не сомневаюсь. – Бабушка наградила ее сердитым взглядом. – Но я часто думаю, что Амариллис Денбай, при том, что она вдова и должна бы знать свое место, такая, какая есть и ничуть не лучше. Кэролайн! Мы будем чай пить или до вечера трепать языками?

Кэролайн потянулась за колокольчиком и позвонила.

– Конечно, мы будем пить чай, мама. Мы просто ждали, пока вы к нам присоединитесь. – За долгие годы она уже приучилась называть пожилую женщину «мама», хотя та и была матерью Эдварда.

– Ну да, конечно, – скептически проговорила бабушка. – Надеюсь, хотя бы пирожное будет. Не выношу тот хлеб, что присылает кухарка. Эта женщина просто помешана на хлебе. Вот раньше, когда я держала слуг, пирожные делать умели! Вымуштровывать прислугу как следует – вот и все, что и нужно. Главное, спуску не давать – и пирожные у тебя будут по первому же твоему требованию.

– Я и так получаю их, когда хочу, мама! – Кэролайн уже начинала терять терпение. – А заполучить хорошую прислугу сейчас куда сложнее, чем раньше. Времена изменились.

– Не к лучшему! – Бабушка пристально посмотрела на Шарлотту, однако воздержалась от того, чтобы сказать что-либо о респектабельных женщинах, которые выходят замуж за полицейских – подумать только! – но лишь потому, что в доме находилась посторонняя, которая, даст Бог, ничего об этом не знала. Раскрой она рот – и весть об этом разнеслась бы по всей округе. А там уж кто знает, что сказали бы люди, не говоря уж о том, что бы они подумали.

– Не к лучшему! – повторила она. – Женщины работают в конторах, как какие-то клерки, тогда как должны заниматься домашним хозяйством. Вы когда-нибудь слышали о подобном? А кто за ними присмотрит, хотелось бы мне знать? Дворецких-то в конторах

нету. Слава Богу, и женщин там пока не много. Место женщины – в доме, будь то своем или – если такового не имеется – в чьем-либо еще!

У Шарлотты на языке уже вертелось несколько ответов, но она предпочла их не высказывать. В итоге разговор вылился в шутливые замечания относительно моды и погоды, с редкими упоминаниями прочих обитателей Рутленд-плейс и суровыми комментариями бабушки на их счет. Они уже заканчивали, когда, растирая замерзшие руки, вошел Эдвард.

– Вот так сюрприз, Шарлотта, дорогая! – Он просиял, одновременно обрадовавшись и удивившись. – Даже и не знал, что ты здесь будешь, иначе вернулся бы пораньше. – Шарлотта встала, и он торопливо поцеловал ее в щечку. – Выглядишь просто замечательно.

– И чувствую себя так же. Спасибо, папа. – Она отступила, и только тогда он заметил Мину – ее бежевое платье почти сливалось с парчой дивана и подушек.

– Миссис Спенсер-Браун, как приятно видеть вас у нас в гостях. – Он поклонился.

– Добрый день, мистер Эллисон, – звонко ответила она, переводя взгляд с Эдварда на Шарлотту – вот, мол, как, оказывается, отец даже не знал, что дочь придет. – Похоже, вы немного замерзли. Почему бы вам не сесть поближе к огню? – Она подобрала юбки, освобождая для него место рядом с собой, на диване.

Откланяться, не показавшись неучтивым, у Эдварда не было никакой возможности; к тому же и место поближе к огню принадлежало ему по праву. Он осторожно опустился на диван.

– Благодарю. Похоже, погода изменилась. Боюсь даже, пойдет дождь.

– В это время года на лучшее вряд ли стоит рассчитывать, – ответила Мина.

Кэролайн беспомощно взглянула на дочь, а затем, позвонив в колокольчик, попросила принести свежесваренного чаю и пирожных для Эдварда.

На последние он набросился с заметным аппетитом, и в течение следующих нескольких минут за столом шел разговор ни о чем.

– Ты нашла ту брошь, что потеряла, дорогая? – спросил немного погодя Эдвард, поворачивая голову к Кэролайн, но будучи всецело увлеченным пирожным.

Кэролайн окрасилась легким румянцем.

– Нет еще, но она обязательно найдется.

– Даже и не знала, что ты что-то потеряла! – воскликнула бабушка. – Ты мне не говорила.

– А должна была, мама? – ответила Кэролайн, избегая встречаться с ней взглядом. – Я почти уверена, что если бы вы нашли ее, то вернули бы, не спрашивая.

– И что именно ты потеряла? – Бабушка явно собиралась выяснить все до конца.

– Как это печально! – вступила в разговор Мина. – Надеюсь, брошь была не очень ценной?

– Не сомневаюсь, что она отыщется. – В голосе Кэролайн прозвучала нотка нарастающей резкости. Опустив глаза, Шарлотта увидела, что мать вновь вцепилась побелевшими пальцами в носовой платок.

– Думаю, ты просто положила ее не на то место, – улыбнулась Шарлотта, надеясь, что ее улыбка выглядит не такой притворной, какова она на самом деле. – Быть может, осталась приколотой к какой-нибудь кофточке, про которую ты и забыла, что надевала.

– Надеюсь, что так, – промолвила Мина, покачав головой. – Не хотелось бы вас огорчать, моя дорогая, но за последнее время это уже не первый случай, когда на Рутленд-плейс пропадают вещи. – Она остановилась и оглядела их, одного за другим.

– Пропадают? – недоверчиво произнес Эдвард. – Что, черт возьми, вы имеете в виду?

– Пропадают, – повторила Мина. – Мне как-то претит выразиться иначе.

– Хотите сказать, их крадут? – спросила бабушка. – Я же тебе говорила! Если не держишь слуг в узде и не ведешь хозяйство так, как нужно, именно такого и следует ожидать! Посеешь ветер – пожнешь бурю! Сколько раз повторяла.

– Это не твои слова, бабушка, – едко заметила Шарлотта. – Это из библейской книги пророка Осии.

– Не дерзи мне! – огрызнулась бабушка.

Эдвард, казалось, не замечал ни угнетенного состояния супруги, ни попыток Шарлотты закрыть тему.

– Так вы говорите, были и другие кражи? – спросил он у Мины.

– Боюсь, да. Это так ужасно! Бедняжка Амброзина лишилась восхитительной золотой цепочки – пропала с ее собственного туалетного столика.

– Слуги! – фыркнула бабушка. – Слуги, как класс, вырождаются. Я уже многие годы твержу об этом! С тех пор, как в шестьдесят первом году умер принц Альберт, все изменилось. Вот кто был образцом мужчины! Не удивительно, что несчастная королева пребывает в постоянной печали – я бы тоже горевала, если бы мой сын вел себя, как принц Уэльский. – Она вновь фыркнула от возмущения. – Вся страна в курсе его походов!

– А у моего мужа исчезла декоративная табакерка с хрустальной крышкой – лежала на каминной полке и тоже куда-то запропастилась, – продолжала Мина, совершенно не обращая на нее внимания. – А у бедняжки Элоизы Лагард пропал серебряный крючок для застегивания перчаток, прямо из ридикюля, – право же, мне так ее жаль! – Она посмотрела пожилой даме прямо в глаза. – Не могу представить, что у кого-то из слуг имелась возможность взять все эти вещи. Я хочу сказать, как в моем доме мог оказаться чей-то еще слуга?

Брови бабушки поползли вверх, ноздри раздулись.

– Тогда, очевидно, у нас, на Рутленд-плейс, не один нечестный слуга, а несколько! Весь мир с катастрофической скоростью летит в тартарары. Одному Богу известно, чем все это закончится.

– Вероятно, закончится все тем, что все обнаружат, что положили эти вещи не на то место, – сказала Шарлотта, вставая. – Было очень приятно познакомиться с вами, миссис Спенсер-Браун. Надеюсь, у нас еще будет возможность увидеться, но так как погода меняется, и, судя по всему, собираются тучи, я уверена, вы извините меня за то, что я вас покину, чтобы успеть вернуться домой до того, как пойдет дождь. – Не дожидаясь ответа, она наклонилась и поцеловала бабушку в щеку, легонько потрепала отца по плечу и протянула руку Кэролайн, словно приглашая ту проводить ее хотя бы до дверей.

Пробормотав обескураженно какие-то слова, мать поспешила воспользоваться представившейся возможностью. Выйдя вслед за Шарлоттой в холл, она плотно затворила за собой дверь гостиной.

– Мэддок! – резко бросила Кэролайн. – Мэддок!

Появился дворецкий.

– Да, мэм. Прикажете подавать карету для мисс Шарлотты?

– Да, пожалуйста. И, Мэддок, пусть Полли завесит шторы.

– Стемнеет еще по меньшей мере часа через два, мэм, – заметил он с легким удивлением.

– Не перечь мне, Мэддок! – Кэролайн сделала глубокий вдох и попыталась взять себя в руки. – Поднимается ветер, вскоре пойдет дождь. Предпочитаю этого не видеть. Пожалуйста, сделай так, как я прошу.

– Да, мэм. – Дворецкий послушно удалился, идеально прямой в безукоризненной, без единого пятнышка, черной ливрее.